

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 903(470)''19/20''

DOI 10.26456/vthistory/2026.3.080

Антропология академической жизни: направления и подходы (1970–2020-е годы) ¹

О.И. Секенова

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», г. Москва (Россия)

Статья посвящена становлению и развитию антропологии академической жизни (ААЖ) как особого направления в отечественных социальных исследованиях. Рассматриваются истоки ААЖ в классических работах по социологии науки, западноевропейских и американских STS-исследованиях, социологической концепции науки П. Бурдьё и исследованиях социальных и гуманитарных наук. Анализируется российская традиция ААЖ: её институционализация, основные исследовательские центры и проблематика исследований (в т. ч. работы Г.А. Комаровой, Т.Б. Щепанской, Н.Л. Пушкаревой). ААЖ рассматривается как направление, фокусирующееся на исследованиях повседневности, бытовых практик, ритуалов, переплетений частной и публичной сторон научной работы, неотделимости труда и отдыха учёных, этических норм академического сообщества.

Ключевые слова: антропология, академическая жизнь, социальная история науки, историография, STS-исследования, социология науки.

Антропология академической жизни (далее – ААЖ) – сравнительно молодое направление в социальных исследованиях, предметом которого является профессиональное научное сообщество². Особенности предметного поля и методологические нюансы, выделяющие ААЖ в отдельное направление и отличающие её от социологии науки, психологии науки и других дисциплин, неоднократно анализировались в научной литературе³; российское академическое сообщество регулярно обсуждает эти проблемы в рамках секций на Конгрессе антропологов и этнологов России⁴. В данной статье

¹ Публикация подготовлена по теме НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива» (рук. д-р. ист. наук Н.Л. Пушкарева).

² Антропология академической жизни: традиции и инновации. Т. 3. М., 2013. С. 5.

³ Столярова О. Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73–83.

⁴ Антропология академической жизни: традиции и инновации... С. 6–8.

предполагается проследить исторические условия возникновения научного направления, проанализировать развитие исследований ААЖ в отечественных социальных исследованиях за последние 35 лет, выявить основные лакуны и перспективы антропологических исследований академического сообщества.

Если история различных направлений STS-исследований (*science and technology studies* – англ. «исследования науки и технологий») с конца 1960-х гг. изучена достаточно (наиболее полно ее развитие отражено в работе О.В. Бычковой⁵, а хронология институционализации направления подробно рассмотрена в справочнике Ю. Фелта, Р. Фуше и др.⁶), то отдельный аналитический обзор, рассматривающий истоки и достижения отечественной ААЖ за последние три десятилетия, важен как для понимания перспектив развития отрасли, так и для оценки возможностей междисциплинарного взаимодействия. В статье автор намеренно не обращается к эпистемологическим дискуссиям современной социальной теории: в фокусе внимания находятся возможности применения методов социокультурной антропологии к изучению академического сообщества.

Антропологические подходы в исследованиях науки и технологий.

Истоки ААЖ находятся в сфере противостояния классической социологии науки и «новых» исследований науки и технологий (STS). Широкая философская дискуссия в 1960–1970-е гг., с одной стороны, определила значение исследований науки как особого социального института, с другой – выявила значительное противоречие между концепцией социологии науки школы Р. Мертона и «новой социологией науки», проявившейся в сфере STS. Благодаря развитию социокультурной антропологии, которая вышла за пределы этнографических проблем и обратилась к субкультурам и профессиональным сообществам, в 1980-е гг. исследователи науки начали использовать в своих эмпирических работах метод включённого наблюдения⁷. Полевые исследования стали классикой STS-работ: эмпирический материал, собранный в научной среде, лег в концепцию этнометодологии Г. Гарфинкеля⁸; австрийский социолог Карин Кнорр-Цетина провела включенное наблюдение в Европейской лаборатории физики элементарных частиц и в лаборатории молекулярной биологии, и на основе этого сформулировала свое понятие эпистемических культур⁹, а полевой опыт Бруно Латура и Стива Вулгара

⁵ Бычкова О.В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 7–21.

⁶ Felt U., Fouché R., Miller C. A., Smith-Doerr L. The Handbook of Science and Technology Studies. 4th ed. Cambridge, MA, 2016.

⁷ Spradley J.P. Participant Observation. Orlando, 1980.

⁸ Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ, 1967.

⁹ Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Mass., 1999.

среди исследователей-эндокринологов в Институте биологических исследований Солка привел к созданию знаменитой акторно-сетевой теории¹⁰. Впоследствии их коллега Джон Ло назвал Латура и Вулгара первыми «этнографами науки»¹¹. Работу в лаборатории Латур начал с мысленного эксперимента: что если наблюдаемые им ученые – это незнакомое загадочное племя, а проникновение в тайны науки возможно только через тесное ежедневное общение с представителями этого сообщества?¹² Латур и Вулгар подробно охарактеризовали и особенности включенного наблюдения в среде ученых, отмечая что «наблюдатель, объявляющий себя антропологом от науки», должен вызывать особый ужас¹³ у «настоящих» ученых – следовательно, наблюдая за научными работниками в течение длительного времени и пытаясь наладить с ними контакт, антрополог преодолевал те же трудности, что и этнограф во время экспедиции. Богатые эмпирические наблюдения служили социологам основой для раскрытия теории конструирования научных фактов, проблем постижения истины и научной экспертизы. В этих работах была отчетливо выражена антропологическая специфика: жизнь каждого научного коллектива рассматривалась как уникальное явление, а научные открытия – как неотъемлемая часть рутинного производственного процесса.

В одном из поздних интервью Кнорр-Цетина говорила, что на заре STS-исследований социологи предпочитали работать в естественно-научном поле, т. к. «эти науки казались более важными хотя бы в силу их сложности для изучения»¹⁴. Этот дисбаланс замечен и сегодня: множество интереснейших трудов посвящено именно взаимодействию новых технологий и политических и социальных акторов, а также влиянию естественных наук на общественные процессы, тогда как социальные и гуманитарные науки остаются в тени. Тенденциозная история открытий Л. Пастера, написанная Латуром в свете акторно-сетевой теории в 1984 г.¹⁵, продемонстрировала возможности исследования науки социологическими методами в историческом контексте; работы голландского философа и антрополога Аннмари Мол дали импульс развитию медицинской антропологии¹⁶. В 2000–2010-е гг. вышло несколько десятков сильных историко-антропологических работ, исследующих эпизоды развития технических и естественных наук в США и

¹⁰ Latour B., Woolgar S. Laboratory life. The social construction of scientific facts, Beverly Hills, Calif., and London, 1979.

¹¹ Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. С. 45.

¹² Latour B., Woolgar S. Op. cit. S. 17–18.

¹³ Ibid. S. 19.

¹⁴ Кнорр-Цетина К. Интервью с Карин Кнорр-Цетиной: «Мы показали появление параллельного мира, где все критерии и система релевантности отличаются от того, что нам кажется нормальным» // Экономическая социология. 2011. № 2. С. 9.

¹⁵ Латур Б. Пастер: Война и мир микробов с приложением «Несводимого». СПб., 2015.

¹⁶ Mol A. The Body Multiple: ontology in medical practice. Durham, NC, 2002.

странах Европы¹⁷ – и тем отчетливей стала заметна необходимость описания истории/философии/социологии методами, успешно опробованными в истории науки и технологий.

Одним из первых историков науки, применивших историко-антропологические методы к изучению гуманитарного академического сообщества, стал американский историк Фриц Рингер, родившийся в Германии¹⁸. В книге «Закат немецких мандаринов» (1969) он рассматривал специфику немецкой гуманитарной науки первой половины XX в. через профессоров-«мандаринов» – группу интеллектуалов-бюрократов, трудившихся в экстремальных социально-политических условиях. Продолжив работу по исследованию академического сообщества, Рингер направился во Францию, где познакомился с будущим классиком мировой социологии – Пьером Бурдьё.

Социологическая концепция науки Бурдьё формировалась параллельно с развитием акторно-сетевой теории¹⁹. Несмотря на различные позиции, касающиеся социологии истины, Бурдьё, как и Латур, имел большой опыт полевой работы, и, преодолевая оппозицию между социологией и этнологией, стремился описывать науку как поле (замкнутую и автономную систему отношений между позициями, занимаемыми агентами в социальном пространстве)²⁰. Научная среда стала удачным объектом для применения терминологического аппарата, разработанного Бурдьё: габитус университетских профессоров описывался в том числе и через множественные капиталы (ресурсы для реализации своих интересов внутри поля) – наследуемые социальные и культурные капиталы, капиталы университетской и научной власти, научного престижа, интеллектуальной известности, политической и экономической власти²¹. Несмотря на масштабные теоретические построения, работа «Homo academicus» (1984) подчеркнуто исторична: в ней социолог, наблюдая французское научное поле в критический момент мая 1968 г., объяснял причины университетского кризиса через социологические эффекты и изменения культурных иерархий. Просопографическое исследование французской профессуры включило понятие «академического габитуса» в словарь большинства социологов науки и одновременно утвердило возможность применения антропологических методов к проблеме изучения академических иерархий.

Идеи Бурдьё привлекли множество последователей, которые увидели в его структуралистской методологии возможность «примирения» социологии с историей и антропологией для изучения академических сообществ в

¹⁷ Epstein S. Cultivated Co-Production: Sexual Health, Human Rights, and the Revision of the ICD // *Social Studies of Science*. № 51 (5). 2021. S. 657–682.

¹⁸ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1993. М., 2008.

¹⁹ Kale-Lostuvali E. Two sociologies of science in search of truth: Bourdieu versus Latour // *Social epistemology*. 2016. Vol. 30. № 3. S. 273–296.

²⁰ Рыкин П. О. От моделей к стратегиям: Пьер Бурдьё и его вклад в этнологическую теорию // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 4. С. 7.

²¹ Бурдьё П. *Homo academicus*. М., 2018. С. 80–85.

гуманитарных науках²². Последователи Бурдьё стремились насытить теоретические построения эмпирикой, развивая количественные методы²³. Но несмотря на отдельные успехи в сфере социологии и истории, комплексные исследования гуманитарных и социальных наук не сформировались в отдельное направление. По мнению историка Кристиана Дайе, исследования социальных и гуманитарных наук (SSSH – англ. *studies of social sciences and humanities*) на данный момент серьезно отстают от работ по истории науки и техники (STS) с точки зрения разработанных новых теорий и концепций²⁴. В обзорной статье 2014 г. Дайе полагал, что «ученые, работающие в этих областях, не сходятся в точке притяжения – теоретически, методологически или организационно, в журналах и ассоциациях»²⁵ – и можно сказать, что за прошедшее десятилетие ситуация в изучении гуманитаристики не изменилась.

Уже к началу 1990-х гг. социология академических сообществ и социальная история науки приобрели отчетливое антропологическое измерение: появились работы, в которых процесс научных открытий рассматривался через призму культурных и экономических предпосылок, а личность учёных и их отношения в коллективе становились не менее важной проблемой для исследователя, чем способы передачи информации между научными работниками или механизмы поиска истины в различных отраслях. Антропология науки как особое направление институционализировалась медленно и в западной историографии приобрела явственную деколонизаторскую перспективу. Следуя за работами классиков антропологии (в частности, Б. Малиновского)²⁶, исследователи стали изучать «этнонауки», т. е. альтернативные эпистемологии системы познания, сформировавшиеся вне общемировой научной традиции²⁷. Часть антропологов предпочла работать в русле STS, сосредоточившись на исследовании академического сообщества как культурно и исторически обусловленной социальной группы (антропологическая методология максимально приближалась к социологической, хотя и с большим вниманием к включенному наблюдению и глубинным интервью – нередко самоопределение как антрополога или

²² Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

²³ Lamont M., Guetzkow J., Mallard G. What Is Originality in the Social Sciences and the Humanities? // *American Sociological Review*. 2004. №69 (2). S. 190–212.

²⁴ Dayé C. Visions of a Field: Recent Developments in Studies of Social Science and Humanities // *Science, Technology, & Human Values*. 2014. № 39. S. 877–891. S. 878.

²⁵ *Ibid.*, S. 886.

²⁶ Malinowski B. Magic, Science and Religion // *Needham J.* (ed.), *Science, Religion and Reality*. New York, 1925. S. 19–84.

²⁷ González R. J. Zapotec Science. Farming and Food in the Northern Sierra of Oaxaca. Austin: University of Texas Press, 2001; Hirsch E. *Ancestral Presence (The Anthropology of History)*. London, 2022.

социолога оставалось на совести исследователя). Польский философ-эпистемолог Анна Кавалек выделяет и третье направление в антропологии науки²⁸ – этнографию повседневных когнитивных практик, сосредоточенную на исследовании того, как люди используют знания и навыки (даже не относящиеся к научной сфере) в повседневной жизни²⁹. Междисциплинарность и невозможность строгого разграничения предметно-методологических полей регулярно подчеркиваются в дискуссиях антропологов и социологов знания. Прошедший в 2015 г. круглый стол Американской антропологической ассоциации по теме «Антропология и STS: генеративные интерфейсы и практика множественной дисциплины» подтвердил невозможность унифицировать аналитический аппарат антропологии в исследованиях науки: выяснилось, что учёные из США, Австралии, Японии и других стран по-разному оценивают место антропологии в STS-исследованиях³⁰. Российские антропологи в этой дискуссии не участвовали, но еще с начала 1990-х гг. работали над исследованиями сообщества ученых, используя различные методологические подходы и регулярно рефлексирова о взаимных пересечениях и вторжениях социологии и антропологии³¹.

Антропология академической жизни: институционализация научного направления. Изучение академического сообщества в постсоветской России шло в русле общемировых тенденций развития STS. Одними из первых на трансформацию методологических основ отозвались историки науки. Антропологический поворот в отечественной историографии 1980–1990-х гг. вдохновил их на изменение проблематики исследований. В Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова с начала 1990-х гг. наряду с традиционными науковедческими трудами стали разрабатываться темы, предложенные социологом Д.А. Александровым: 1) история кружков и объединений учёных; 2) принципы патронажа в академической корпорации; 3) «жизненные миры» учёных как форма научной повседневности³². Предложенные темы оказались актуальными не только для изучения исторических интеллектуальных сообществ. С 2009 г. на базе Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН издается журнал «Социология науки и технологий». STS как академическая дисциплина впервые институционально утвердилась в Европейском университете (Санкт-Петербург), где с 2011 г. действует межфакультетский Центр

²⁸ Kawalec A. The anthropology of science // Naukoznawstwo. Kraków, 2025. P. 299–319, 303–304.

²⁹ Напр.: Соколовский С.В. Техночеловечество и антропология повседневности // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 54–65.

³⁰ De la Cadena M., Lien M.E. Anthropology and STS Generative interfaces, multiple locations // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2015. № 5 (1). S. 437–475. S. 438.

³¹ Соколовский С.В. Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 130–139.

³² Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.

исследований науки и технологий³³. Центр успешно занимается исследованиями российского инновационного сектора, технологического предпринимательства, отечественной IT-сферы³⁴, при этом не касаясь гуманитарного академического сообщества. Самые комплексные и значимые социологические исследования социальных и гуманитарных дисциплин в российском контексте принадлежат М.М. Соколову, изучавшему социологов, экономистов и историков³⁵ и с глубокой иронией относящемуся к практической необходимости исследовать академическое сообщество: по его мнению, многие социологические работы на эту тему «имеет какой-то смысл читать, только если сам предмет незнаком – тогда они с грехом пополам оправдывают своё существование как средство организации текста»³⁶. Не менее критично Соколов относится к трудам антропологов: «когда отечественный этнограф обращается к науке, он(а) прежде всего пытается обнаружить морфологию академической байки в какой-то из её версий»³⁷. Справедливость этих утверждений можно доказать или опровергнуть, проследив, как с начала 2000-х гг. в России развивалась антропология академической жизни – своеобразное направление, значительно отличавшееся от работ зарубежных коллег.

К началу 2000-х гг. в России возникли два независимых центра изучения антропологии академического сообщества. В Санкт-Петербурге в рамках проекта «Антропология города» кафедры культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ под руководством Т.Б. Щепанской проводились исследования профессиональных традиций и неформальных дискурсов геологов, экономистов, этнографов и археологов³⁸. Представители научных дисциплин рассматривались в контексте профессиональных субкультур, что позволило исследовать их теми же методами, что и актеров, школьных учителей, продавцов шавермы и представителей других сфер занятости. Щепанская, стремясь концептуализировать феномен профессиональной традиции, искала в профессиях общность стереотипов поведения, знаковых систем,

³³ Бычкова О.В., Земнухова Л.В., Руденко Н.И. Социальные исследования науки и технологий (STS) в Европейском университете (Санкт-Петербург) // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2019. № 29 (743). С. 38–44.

³⁴ Бычкова О.В., Гладарев Б.С., Хархордин О.В., Цинман Ж.М. Фантастические миры российского хай-тека. СПб., 2019.

³⁵ Соколов М.М., Губа К.С., Зименкова Т.С. [и др.] Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М., 2015; Соколов М.М. Российские историки: структура профессионального сообщества // Новая и новейшая история. 2024. № 2. С. 196–214.

³⁶ Соколов М.М. Стоит ли радоваться сближению социологии и антропологии? О проблеме легитимности в малосостоятельных дисциплинах // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 129.

³⁷ Там же. С. 129.

³⁸ Щепанская Т.Б. Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 76–100.

мотивов неформального дискурса и структур межличностных взаимодействий³⁹. Сильной стороной петербургского исследовательского коллектива было стремление к сравнительному анализу различных профессиональных субкультур на базе фуколдианского дискурса, через исследование того, как в них конструируется статус профессионала⁴⁰.

В Москве научным центром, впервые обратившимся к антропологии научного сообщества, стал Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Первой к мысли о необходимости изучения ученых антропологическими методами пришла историк-гендеролог Н.Л. Пушкарева, увидевшая эту перспективу в ходе исследования российских образованных интеллектуалок прошлого, часть из которых сумела самореализоваться в научной сфере⁴¹. Исследовательница обосновала возможность подходов истории повседневности к изучению антропологии современного научного сообщества (в первую очередь, женской его части) и предложила методические рекомендации для сбора эмпирического материала о бытовых реалиях женщин-учёных⁴². Феминистский ракурс исследования академического сообщества использовался автором для решения задачи в духе бурдьевистской социологии знания – «вскрытия технологии воспроизводства властных отношений»⁴³ в научной среде.

Впервые термин «антропология академической жизни» прозвучал на секции VII Конгресса этнографов и антропологов России (2007), предложенной и организованной Г.А. Комаровой. Исследовательница видела корни нового направления не только в STS-исследованиях, но также в интерпретативной антропологии К. Гирца, этнометодологии Г. Гарфинкеля и теории интерпретативной природы текстов С. Фиша⁴⁴. По словам Комаровой, термин «антропология» обозначил «конкретный методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни ученых и научных сообществ», предполагающий «изучение конкретного способа существования “академического” человека, человека академического образа жизни, а также соционормативной культуры, совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированных сообществом “академических” людей»⁴⁵. «Ака-

³⁹ Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 143.

⁴⁰ Щепанская Т.Б. Антропология профессий. С. 143.

⁴¹ Пушкарева Н.Л. Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании. Кострома, 1997. С. 3–8; Она же. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Ломоносов. 2002. № 3. С. 5–26.

⁴² Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в российском постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 41.

⁴³ Там же. С. 39.

⁴⁴ Комарова Г.А. Антропология академической жизни как практика этнографического описания и этнологического понимания // Антропология социальных перемен: К 70-летию Валерия Александровича Тишкова. М., 2011. С. 11–34, 20–23.

⁴⁵ Там же. С. 25.

демическая» жизнь понималась исследователями не в узком контексте Академии наук и научно-исследовательских институтов, но в широком смысле «высокой, настоящей науки, отличающейся настоящим профессионализмом и служением истине»⁴⁶. Термин «академическая» в российском контексте последних десятилетий всё чаще встречается как определение понятий «среда», «карьера», «достижения», выходя за рамки строго определяемых терминов «академический институт», «академический год/час», «академическая степень» и др. (национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 19.08.2026. – О.С.). Значима и предложенная Комаровой формулировка: «антропология академической жизни», а не «антропология академического сообщества» – подразумевает фокус на исследовании повседневности, бытовых практик, ритуалов, переплетений частной и публичной сторон научной работы, неотделенности труда и отдыха в *modus vivendi* ученых. Секции по антропологии академической жизни проходили на VII (Саранск, 2007), VIII (Оренбург, 2009), XIX (Петрозаводск, 2011) Конгрессах этнографов и антропологов России. Результаты секционных обсуждений находили отражение в соответствующих сборниках статей⁴⁷ и опубликованном докладе в серии «Исследования по прикладной и неотложной антропологии»⁴⁸. Предполагалось, что дискуссия на Конгрессах должна была выйти за рамки «этнографии этнографии»: тема секции не только привлекала историков, социологов, психологов, философов, но и вызывала живой отклик антропологического сообщества, реагируя на его запрос о познании самого себя. На практике почти все исследователи, поддержавшие проект, в выступлениях/статьях обращались к своим же магистральным темам (иногда в автоэтнографическом ракурсе) либо желали поделиться мнением по наиболее болезненным вопросам: от отношений учёных и власти до этических проблем и моральной ответственности антропологов. Работы, относимые авторами к ААЖ, преимущественно представляли собой форму рефлексии о развитии этнологии как таковой, без внимания к повседневной жизни представителей других наук. Скрупулезно перечисленные Комаровой возможные темы для исследований ААЖ⁴⁹ никак не «собирались» в хоть сколько-нибудь единую теоретическую рамку, хотя представляли собой прекрасный источник по истории этнологии 2000–2010-х гг. (особое значение имеют статьи в жанре «исповедальной этнографии», по определению

⁴⁶ Что такое академическая наука // Портал «Грамота». 7.02.2024. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/chto-takoe-akademicheskaya-nauka> (дата обращения: 07.07.2026).

⁴⁷ Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2008; Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. М., 2010; Антропология академической жизни: традиции и инновации...

⁴⁸ Комарова Г.А. Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2012. Вып. 229.

⁴⁹ Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии... С. 18–20.

С.И. Рыжаковой⁵⁰). Последний на текущий момент сборник статей по ААЖ, посвящённый памяти Г.А. Комаровой, вышел в 2022 г.⁵¹ В нём, кроме значительной мемориальной части, поднимаются проблемы исторического контекста ААЖ, профессионального долга и ответственности, взаимодействия специалистов с информантами в ходе полевых исследований. Автоэтнографические статьи привлекают большее внимание «собратьев по цеху»: это возможность не только проникнуть в чужую исследовательскую «мастерскую», но и поучаствовать в конструировании общего прошлого отечественной этнологии, сверив личный опыт с рассказом коллег. Также и на секции ААЖ в ходе конференции памяти Г.А. Комаровой (ИЭА РАН 22–23 апреля 2025 г.), особый интерес вызывали автоэтнографические доклады исследователей (Ю.В. Бучатская и Р.Ш. Зельницкая рассказывали о рутинной работе музейщиков по подготовке выставок, а Э.-Б. Гучинова анализировала нарративы этнографов о собственных свадьбах)⁵².

На данный момент антропология академической жизни – научное направление, находящееся на перепутье. В последние 30 лет отечественные антропологи сумели выделить ААЖ в особый вектор, отличающийся от STS-исследований / социологии знания / социологии научного сообщества пристальным вниманием к повседневности научных работников и умением использовать этнометодологические приемы в исследованиях академической среды. Безусловно, институциональная специфика научного сообщества и этические барьеры в современной России делают крайне затруднительным длительное включенное наблюдение в любом отечественном научном коллективе для создания комплексного исследования в духе классиков социологии 1970–1980-х гг. Тем не менее ААЖ не может продолжать фокусироваться только на этнологии и антропологии, дальнейшее развитие направления подразумевает накопление эмпирических данных из других научных отраслей хотя бы внутри отечественной гуманитаристики (антропология научного сообщества в отличие от социологии более свободна от необходимости применения/изобретения сложных теоретических конструкций для описания социальных реалий, при этом даже насыщенное описание производственного процесса, детальная фиксация ежедневного труда (и отдыха) учёных является важной и актуальной научной задачей). Вторая важная функция ААЖ (особенно в рамках научных мероприятий) – это создание безопасного пространства для экспертного обсуждения этических трудностей и глубокой профессиональной рефлексии сообщества этнологов, но в этом случае сложно объяснить необходимость выделения ААЖ в отдельное научное направление.

⁵⁰ Абашин С.Н. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии. М., 2008 // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 163–166.

⁵¹ За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой. М., 2022.

⁵² Научная конференция памяти Г.А. Комаровой «Инновационные направления в этнологии и антропологии» (ИЭА РАН 22–23 апреля 2025) [Электронный ресурс] URL: <https://iea-ras.ru/?p=17094> (дата обращения: 13.06.2026 г.).

Список литературы:

1. Абашии С.Н. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008 // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 163–166.
2. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
3. Бурдье П. Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 465 с.
4. Бычкова О.В., Земнухова Л.В., Руденко Н.И. Социальные исследования науки и технологий (STS) в Европейском университете (Санкт-Петербург) // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2019. № 29 (743). С. 38–44.
5. Кнорр-Цетина К. Интервью с Карин Кнорр-Цетиной: «Мы показали появление параллельного мира, где все критерии и система релевантности отличаются от того, что нам кажется нормальным» // Экономическая социология. 2011. № 2. С. 8–20.
6. Комарова Г.А. Антропология академической жизни как практика этнографического описания и этнологического понимания // Антропология социальных перемен: К 70-летию Валерия Александровича Тишкова. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2011. С. 11–34.
7. Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в российском постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 39–58.
8. Пушкарева Н.Л. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Ломоносов. 2002. № 3. С. 5–26.
9. Пушкарева Н.Л. Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании. Кострома, 1997. С. 3–8.
10. Рыкин П.О. От моделей к стратегиям: Пьер Бурдье и его вклад в этнологическую теорию // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 3–15.
11. Соколов М.М. Российские историки: структура профессионального сообщества // Новая и новейшая история. 2024. № 2. С. 196–214.
12. Соколов М.М. Стоит ли радоваться сближению социологии и антропологии? О проблеме легитимности в малосостоятельных дисциплинах // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 121–130.
13. Соколовский С.В. Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 130–139.
14. Соколовский С.В. Техночеловечество и антропология повседневности // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 54–65.
15. Столярова О.Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73–83.
16. Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 1. С. 139–161.
17. Щепанская Т.Б. Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения: сборник научных статей. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 76–100.

18. Dayé C. Visions of a Field: Recent Developments in Studies of Social Science and Humanities // *Science, Technology, & Human Values*. 2014. №39. P. 877–891.
19. De la Cadena M., Lien M.E. Anthropology and STS Generative interfaces, multiple locations // *Hau: Journal of Ethnographic Theory*. 2015. № 5 (1). P. 437–475.
20. Epstein S. Cultivated Co-Production: Sexual Health, Human Rights, and the Revision of the ICD // *Social Studies of Science*. № 51 (5). 2021. P. 657–682.
21. Kale-Lostvali E. Two sociologies of science in search of truth: Bourdieu versus Latour // *Social epistemology*. 2016. Vol. 30. № 3. P. 273–296.
22. Kawalec A. The anthropology of science // *Naukoznawstwo / redakcja Paweł Kawalec, Jacek Poznański*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Ignatianum, 2025. 408 p. P. 299–319; P. 303–304.
23. Lamont M., Guetzkow J., Mallard G. What Is Originality in the Social Sciences and the Humanities? // *American Sociological Review*. 2004. №69 (2). P. 190–212.
24. Latour B., Woolgar S. *Laboratory life. The social construction of scientific facts*, Beverly Hills, Calif., and London, Sage Publications, 1979. – 272 p.
25. Malinowski B. *Magic, Science and Religion* // *Needham J.* (ed.), *Science, Religion and Reality*. New York: The Macmillan Company, 1925. P. 19–84.

Об авторе:

СЕКЕНОВА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д.32А), e-mail: jkzkray@mail.ru

Anthropology of Academic Life: Directions and Approaches (1970s–2020s)

O.I. Skenova

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of
Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article explores the formation and development of the anthropology of academic life (AAL) as a distinct area within Russian social research. It examines the origins of AAL in classical sociology of science, Western European and American STS studies, P. Bourdieu's sociological concept of science, and researches on social and humanities disciplines. The article analyses the Russian AAL tradition, including its institutionalization, key research centers, and main research topics (e.g., works by G. A. Komarova, T. B. Shchepanskaya, and N. L. Pushkareva). AAL is presented as a field focused on studying everyday life, routine practices, rituals, ethical norms, the interplay between private and public aspects of academic work, the blurred boundaries between scientists' labor and leisure.

Keywords: *anthropology of academic life, social history of science, historiography, STS studies, sociology of science.*

About the author:

SEKENOVA Olga Igorevna – PhD (History), Research Fellow, The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia* (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A), e-mail: jkzkzray@mail.ru

References

- Abashin S.N. *Rec. na: Antropologiya akademicheskoy zhizni: adaptivnye processy i adaptivnye strategii*. Moscow, 2008 // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2010. No. 2. S. 163–166.
- Bourdieu P. *Homo academicus*. Moscow, 2018.
- Bychkova O.V., Zemnuhova L.V., Rudenko N.I. *Social'nye issledovaniya nauki i tekhnologii (STS) v Evropejskom universitete (Sankt-Peterburg)*. Analiticheskij vestnik SF FS RF. 2019. No. 29 (743). S. 38–44.
- Knorr-Cetina K. *Interv'yu s Karin Knorr Cetinoj: «My pokazali poyavlenie parallel'nogo mira, gde vse kriterii i sistema relevantnosti otlichayutsya ot togo, chto nam kazhetsya normal'ny»*, *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2011. No. 2. S. 8–20.
- Komarova G.A. *Antropologiya akademicheskoy zhizni kak praktika etnograficheskogo opisaniya i etnologicheskogo ponimaniya*. *Antropologiya social'nyh peremen: K 70-letiyu Valeriyi Aleksandrovicha Tishkova*. Moscow: Izdatel'stvo «Politicheskaya enciklopediya», 2011. S. 11–34.
- Pushkareva N. L. *Obrazovannyye zhenshchiny i zhenshchiny-uchenye v istoricheskikh sud'bah Rossii X–XX vv.* Lomonosov. 2002. No. 3. S. 5–26.
- Pushkareva N. L. *Pervyye rossijskie zhenshchiny-uchenye: opyt tipizacii individual'nyh zhiznennyh strategij*. *Zhenshchiny v otechestvennoj nauke i obrazovanii*. Kostroma, 1997. S. 3–8.
- Pushkareva N. L. *Zhenshchiny-uchenye v rossijskom postsovetskom fol'klore*. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2006. No. 4. S. 39–58.
- Rykin P. O. *Ot modelej k strategiyam: P'er Burd'e i ego vklad v etnologicheskuyu teoriyu*. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2007. No. 4. S. 3–15.
- Shchepanskaya T.B. *Antropologiya professij*. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2003. Vol. 6, No. 1. S. 139–161.
- Shchepanskaya T.B. *Ekspedicionnye tradicii: k topografii «polya» v neformal'nom diskurse polevyh issledovatelej (etnografy, arheology, antropology)*. *Problemy istoricheskogo regionovedeniya: sbornik nauchnyh statej*. Saint Petersburg: SPbGU, 2005. S. 76–100.
- Sokolov M.M. *Rossijskie istoriki: struktura professional'nogo soobshchestva*. *Novaya i novejschaya istoriya*. 2024. No. 2. S. 196–214.

- Sokolov M.M. *Stoit li radovatsya sbliženiyu sociologii i antropologii? O probleme legitimnosti v malosostoyatel'nyh disciplinah.* Antropologicheskiy forum. 2012. No. 16. S. 121–130.
- Sokolovskij S.V. *Sociologiya vs. antropologiya: zapozdalye zametki na polyah k diskussii «fiziki vs. liriki».* Antropologicheskiy forum. 2012. No. 16. S. 130–139.
- Sokolovskij S.V. *Tekhnochelovechestvo i antropologiya povsednevnosti.* Etnograficheskoe obozrenie. 2018. No. 6. S. 54–65.
- Stolyarova O.E. *Istoriya i filosofiya nauki versus STS.* Voprosy filosofii. 2015. No. 7. S. 73–83.

Статья поступила в редакцию 24.07.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.